

В.П. КАЗАКОВ

АРГЕНТИНСКИЙ ДИКТАТОР ХУАН МАНУЭЛЬ ДЕ РОСАС

Хуан Мануэль де Росас – губернатор провинции Буэнос-Айрес и фактический глава Аргентинской конфедерации в 1829–1852 гг. – наиболее полемическая фигура в аргентинской истории. Нет другого политического и государственного деятеля, оценки которого были столь полярными. Для одних он – тиран, преступник; для других – великий сын Аргентины.

Объективность в оценке Росаса отсутствовала с самого начала его деятельности. Первыми историками Росаса стали его политические противники либералы В.Ф. Лопес, Б. Митре, Д.Ф. Сармьенто и др. Их работы являлись прежде всего пропагандистским оружием в борьбе с диктатурой, и в них Росас предстал как абсолютное зло, олицетворение всего плохого, что было в стране. Попытка историка А. Сальдиаса подойти объективно к изучению Росаса и его политики, понять его действия на основе изучения архивных материалов встретили с их стороны решительное неприятие. Так, Митре, ставший после падения диктатуры крупным государственным деятелем, президентом страны и основоположником либерально-позитивистской школы в аргентинской историографии, расценил попытку Сальдиаса как “историческую, политическую и философскую реабилитацию тирании”, которая обрадует лишь сторонников Росаса. “Вы смываете кровь, – писал он Сальдиасу, – которой запятнаны его действия”¹.

Для господствовавшего в аргентинской историографии в первой половине XX в. либерально-позитивистского направления во главе с Р. Левене носителями подлинно национальных традиций выступали М. Бельграно, Б. Ривадавия, Х. де Сан-Мартин, а символом всего отсталого “варварского” были Росас и другие каудильо, использовавшие невежество масс для установления кровавой диктатуры².

Сложившаяся в 30–60-е годы XX в. “школа ревизии” аргентинской истории – Р. Ирасуста и Х. Ирасуста, Ф. Ибаргурен и К. Ибаргурен, Э. Паласио, Х.М. Роса – вели пересмотр аргентинской истории с антилиберальных, националистических позиций. По мнению “исторических ревизионистов”, надо было заново написать историю Аргентины, поскольку официальную историю написали победители Росаса, которые старались оправдать свои действия, а не дать объективное изложение событий.

Центральное место в мировоззрении “исторических ревизионистов” заняло понятие “архентинидад” – аргентинской сущности. По их мнению, “архентинидад” сформировался исключительно на базе испанских традиций, став наиболее полным выражением “испанидад” – испанской цивилизации в Латинской Америке, в создании которого решающую роль играла католическая религия. Все события национальной истории рассматривались ими с точки зрения их соответствия “архентинидад”.

В концепции “исторических ревизионистов” Росас стал истинным выразителем “национального”. Именно федералисты – сторонники Росаса, а не либералы-унитарии

Казakov Владимир Петрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра латиноамериканских исследований Института всеобщей истории РАН.

¹ *Mitre B. Correspondencia literaria, histórica y política, t. I–III. Buenos Aires, 1912, t. III, p. 198–199.*

² *Levene R. A History of Argentina. New York, 1963, p. 415.*

являлись партией независимости. При Росасе Аргентина была единой и процветающей страной. Все изменилось после его падения.

Свержение Росаса и поражение местных каудильо сыграли, по мнению “исторических ревизионистов”, пагубную роль в дальнейшем развитии Аргентины. Пришедшие к власти либералы начали проводить политику сознательного искоренения “истинно национальных традиций” и превратили Аргентину в “инострannую колонию”³.

Другая разновидность “исторического ревизионизма” – “национальная левая” (Х. Абельярдо Рамос, Х.Э. Спилемберго) – исходила из признания зависимого положения Аргентины в мировой капиталистической системе. Делая акцент на национальных задачах, историки “национальной левой” признавали за революцию борьбу фракций внутри самого господствующего класса, деля их на “национальные” и “антинациональные”. С этих позиций “национальная левая” подходила к анализу исторической роли Росаса. Для Абельярдо Рамоса аргентинская история – постоянная борьба между революцией и контрреволюцией, национальными интересами и олигархией. В первой половине XIX в. их олицетворяли, соответственно, первый президент Аргентины унитарий Б. Ривадавия и Росас. “С Росасом, – по мнению Абельярдо Рамоса, – появляется первый пример аргентинского политика”⁴.

Историки-марксисты, группировавшиеся вокруг компартии (Л. Пасо, Л.В. Сомми и др.), вели исследование аргентинской истории с классовых позиций. По их мнению, национально-освободительная революция, покончившая с колониальным гнетом Испании, открыла перед Аргентиной два возможных пути развития. Первый, за который выступали радикальные деятели революции М. Бельграно, Х.Х. Кастельи, М. Морено, Б. Ривадавия, вел к наиболее быстрому и полному развитию капитализма в стране. Второй олицетворяли консервативные социальные силы: крупные помещики и торговцы. Они стремились удержать развитие страны в рамках унаследованной от колонии социально-экономической структуры. С приходом Росаса к власти восторжествовал второй путь, что послужило основой для последующего проникновения в страну иностранного капитала. Как никто другой Росас содействовал формированию и консолидации латифундистской олигархии, которая “держала страну в докапиталистической полуфеодалности, всеми силами препятствуя прогрессивному развитию страны”⁵.

В современной аргентинской историографии характерен уход от господствовавшей прежде полемики и стремление дать более “академическое” объяснение Росаса и его эпохи на основе изучения документов, что нашло отражение в коллективном труде “Новая история аргентинской нации”⁶.

В западной историографии, прежде всего в фундаментальной работе английского историка Дж. Линча, Росас рассматривается как пример классического каудильо, приход которого к власти олицетворял господство крупных земельных собственников, который заложил основы политической власти в Аргентине, характеризовавшейся патронажно-клиентелистскими отношениями, превративший террор в важный инструмент политики и имевший поддержку народных низов, что отнюдь не означало, что он выражал их интересы⁷.

В отечественной историографии оценки Росаса и его эпохи претерпели эволюцию: от характеристики как одного из самых тяжелых и мрачных периодов в истории Аргентины, господства диктатуры самых реакционных кругов духовенства, помещиков и торговой верхушки Буэнос-Айреса⁸ до трактовки Росаса как выразителя определенного, а именно помещичьего пути капиталистической эволюции Аргентины⁹. Специальных работ, посвященных Росасу, пока не было.

³ *Palacio E.* Historia Argentina. Buenos Aires, 1984, p. 328, 449, 528.

⁴ *Abelardo Ramos J.* Revolución y contrarrevolución en la Argentina. Buenos Aires, 1961, p. 101.

⁵ *Rosas.* Realidad y mito. Buenos Aires, 1970, p. 134.

⁶ Nueva historia de la Nación Argentina, t. I–X. Buenos Aires, 2000–2003, t. IV.

⁷ *Lynch J.* Argentine dictator Juan Manuel de Rosas. Oxford, 1981, p. 23, 109–114, 124, 154.

⁸ Очерки истории Аргентины. М., 1961, с. 145–146.

⁹ *Комаров К.В.* Аграрный вопрос и война за независимость Аргентины. М., 1988, с. 124.

Хуан Мануэль де Росас родился 30 марта 1793 г. в Буэнос-Айресе в семье эстансiero Леона Ортиса де Росаса. Семья принадлежала к верхушке колониального общества и находилась в родственных или дружеских отношениях с семействами Анчорены, Пуэйрредона, Суниги, Трапани и др.

Наибольшее влияние на будущего диктатора оказала его мать донья Агустина Лопес де Осорнио – женщина властная, наследница богатой эстансии “Эль ринкон де Лопес”. Она была настоящей главой семьи: вела дела, управляла эстансией. Росас был весь в мать, такой же волевой, властолюбивый. Он любил мать и старался походить на нее “даже в мелочах”, по его собственным словам. В зрелые годы Росас говорил, что не проходит и дня, чтобы он не вспоминал свою мать и не говорил о ее потере.

Родители готовили его к занятиям сельским хозяйством и считали, что ему не следует просиживать за книгами. Получив элементарное образование, он стал управлять эстансией. Работал он бесплатно, пользуясь лишь возможностью учиться вести хозяйство. Впоследствии Росас был убежден, что наилучшим занятием для молодых людей является сельское хозяйство, прежде всего скотоводство, и в этом духе воспитывал своих сыновей.

Привычный уклад жизни был нарушен английским вторжением на Ла-Плату в 1806 г. Несмотря на свой юный возраст, ему было 13 лет, Росас принял участие в отражении английской агрессии. Во время сражения в качестве артиллерийской прислуги он подносил боеприпасы и заслужил благодарность командования за “свою храбрость, достойную дела, которое защищается”.

С детства Росас проявлял независимый характер, отказывался подчиняться. Зародившиеся в детстве конфликтные отношения со временем привели его к разрыву с родителями. С наибольшей силой желание Росаса жить по-своему проявилось при женитьбе, вопреки воле матери, на Энкарнасьон Эскура и Аргибаль, семья которой принадлежала к высшему свету Буэнос-Айреса. Несмотря на то, что у невесты не было приданого, брак оказался удачным. Энкарнасьон стала верной помощницей мужу во всех его делах.

Окончательный разрыв с семьей наступил, когда мать обвинила его в небрежном управлении эстансией. По существу это была придирка, за которой скрывалось ее недовольство самостоятельными действиями сына. В одном доме не было места для двух Росасов. Хуан Мануэль отказался работать и покинул родительский дом. Он решил сам, без родительской опеки, сделать себе состояние и имя. Впоследствии после смерти отца, он не взял причитающуюся ему долю наследства, а передал ее матери. После ее смерти разделил среди братьев и сестер.

Майская революция 1810 г. застала его в деревне, и он не принимал участия в событиях в Буэнос-Айресе. Человек консервативных взглядов – его сознание сформировалось в колониальную эпоху – он был защитником авторитета и иерархии, традиционной социальной структуры и был против народных восстаний и беспорядков.

Но революция сыграла большую роль в судьбе Росаса-предпринимателя. Завоевание независимости положило начало складыванию агроэкспортной экономики страны, прежде всего скотоводства. Росас занялся разведением и продажей скота. В 1815 г. он вместе с Х.Н. Терреро и Л. Доррего основал саладеро – предприятие по засолке мяса и переработке продуктов животноводства. Это было новое и прибыльное дело. Компаньоны быстро окупили расходы и стали приобретать новые земли и скот. Тем самым было положено начало земельному буму, росту эстансий и экспорту скотоводческих продуктов. Росас стал пионером в утверждении новой модели, определившей на много лет развитие Аргентины.

Отношение Росаса к народным низам, пришедшим в движение с началом революции, определялось интересами класса, к которому он принадлежал, и его общественным положением. Став эстансiero, он столкнулся с отсутствием безопасности и анархией в пампе, наводненной бродягами и правонарушителями, которые не уважали ни собственности, ни ее владельцев. Сам Росас подвергся нападению в собственной эстансии и был вынужден с ножом в руке защищаться. “С тех пор, – жаловался он властям, – моя жизнь зависит от вымогательств безработных и преступников”¹⁰.

¹⁰ *Montoya A. Historia de los saladeros argentinos. Buenos Aires, 1956, p. 41.*

Беззаконие в сельской местности, так поразившее Росаса, привело его к решению покончить с ним как в собственных владениях, так и вне их. Он быстро понял, что этого нельзя добиться чисто полицейскими мерами. Необходимо было подчинить своему влиянию сельских жителей – гаучо, завоевать их доверие, преданность, а для этого “обращаться с ними как равный с равными и жить как они”.

На этом пути он добился поразительных успехов. Обладая большой физической силой и ловкостью, он быстро приобрел сноровку в различных сельскохозяйственных работах. Скоро никто не мог сравниться с ним в искусстве верховой езды, в укрощении дикого жеребца. Никто не бросал с таким искусством лассо и болеадору. Секрет его успеха заключался в знании людей, которые у него работали. Он знал об их привязанностях, слабостях, способностях, их поведении в различных ситуациях. Этим путем он приобрел огромную популярность в сельской местности и как следствие – неограниченную власть над гаучо.

Уже будучи диктатором, он откровенно изложил мотивы своего поведения в беседе с уругвайским посланником С. Васкесом: “Низшие классы могли восстать и причинить огромные беды, поскольку вы знаете, неимущий всегда питает враждебность к богатым и вышестоящим. Поэтому я пришел к выводу, что чрезвычайно важно приобresti влияние среди этих людей с тем, чтобы сдерживать их и руководить ими. И я решил добиться такого влияния любой ценой. Для этого я должен был работать с большим упорством, с большим самопожертвованием, я должен был стать таким же гаучо, как они, говорить как они, научиться делать то, что умеют делать они, сделаться их доверенным лицом, защитником их интересов, – одним словом, – не жалеть ни труда, ни средств для завоевания еще большего их доверия”¹¹.

В эстансиях Росаса работали негры-рабы. Вместе с тем шло их постепенное освобождение. Росас никогда не способствовал повышению их социального статуса, но не было и расовой дискриминации. Он разрешал им справлять свои народные праздники, на которых можно было увидеть его танцующим с негритянкой. Одна из них стала крестной матерью одного из его детей.

В глазах современников он являлся эффективным эстансьеро. В отличие от своих кузенов Анчорен, он не был абсентеистом, а работающим и рачительным хозяином, который, как это видно из составленных им инструкций мажордомам эстансий, принимал участие на всех стадиях выращивания скота. Неутомимый труженик, он требовал этого и от подчиненных. Рабочий день в эстансиях начинался с рассветом. Он был мастером в ведении дел, организовав производственный процесс до мельчайших деталей и установив железную дисциплину среди работников-пеонов. В эстансиях он был абсолютным господином и требовал от пеонов безоговорочного подчинения. За каждый проступок он наказывал. Но он также требовал наказания и для себя в качестве примера и, в свою очередь, наказывал тех из слуг, кто колебался подвергать наказанию собственного хозяина. Тем самым он приобрел славу и доброе имя во всей провинции, где скорее готовы были подчиниться его приказам, чем правительственным.

В своей деятельности Росас руководствовался понятием подчинения, под которым он имел в виду уважение власти, общественного порядка и частной собственности. Его эстансии были государством в миниатюре, где он добился господства над кочевыми гаучо, безработными пеонами, непокорными индейцами, – над всем миром пампы. В этом с Росасом не мог соперничать ни один эстансьеро. Не случайно Анчорены доверили ему управлять полудюжиной своих эстансий.

В 1820 г. в ведении Росаса находились предприятия с огромным количеством скота, тысячами пеонов и живущими на этих землях индейскими племенами. С последними он поддерживал мирные отношения, добываясь этого путем систематических подарков и наград индейским вождям.

Казалось, что жизненный путь Росаса определился: богатый и всеми уважаемый эстансьеро, которому не было равных в обращении со скотом и гаучо и которому эстансьеро доверили управлять половиной сельской местности провинции Буэнос-Айрес.

¹¹ Las constituciones de la Argentina (1810–1972). Buenos Aires, 1975, p. 37.

Развернувшиеся вскоре события заставили Росаса включиться в политическую борьбу. Ее причины уходили корнями в особенности исторического развития Аргентины. Завоевание независимости не принесло стране мира. Война за независимость не стала кульминацией складывания национального государства, а явилась лишь отправной точкой длительного процесса национально-государственной организации.

В 20-е годы XIX в. в ходе становления национального государства возникли два политических течения: федералисты, выступавшие за широкую автономию провинций, и унитарии – сторонники сильной центральной власти. В Буэнос-Айресе лидером федералистов был М. Дорrego, к федерализму склонялись и провинции. Во главе унитариев стоял Б. Ривадавия.

Первоначально Росас был равнодушен к формам государственного устройства и не был ни унитарием, ни федералистом. Но 1820 г. стал годом анархии. В стране отсутствовала центральная власть, во всех провинциях возникли независимые республики. Когда же Буэнос-Айрес попытался их подчинить, началась гражданская война. Э. Лопес и Ф. Рамирес – губернаторы, соответственно, провинций Санта-Фе и Энтрe-Риос – привели войска к Буэнос-Айресу и попытались навязать ему угодное им правительство.

Начавшаяся анархия грозила уничтожить плоды хозяйственной деятельности Росаса, она противоречила интересам эстансьеро, которые нуждались в мире для успешного ведения дел. И Росас решил вмешаться, хотя и не без колебаний, но его убедили следующие слова Н. Анчорены: “Хуан Мануэль, мы говорим не о потере полей, а о потере наших жизней от рук этой орды убийц”¹².

Росас, не занимая никаких государственных должностей, одел и вооружил за свой счет 500 пеонов. Это были его “Колорадос дель Монте”, названные так по цвету одежды, которые присоединились к армии Буэнос-Айреса в качестве пятого кавалерийского полка.

С началом кампании проявилось умение Росаса сливать войну и политику в одно неразрывное целое: мало было отбить нападение провинций, нужно было расколоть неприятельский фронт, добиться мира с Санта-Фе, а по возможности и союза с этой провинцией. В политической стратегии Росаса контроль над Санта-Фе имел ключевое значение. Он разъяснял властям Буэнос-Айреса, что мирная и дружественная Санта-Фе станет опорой порядка для Буэнос-Айреса, в то время как в случае войны она превратится в центр поддержки всех недовольных.

Росас добился мира и дружеских отношений с Санта-Фе, подарив Лопесу 25 тыс. голов скота, собранных эстансьеро провинции, и еще 5 тыс. из своего стада. Это не было бескорыстным поступком. В обмен Росас получил две эстансии и приличную сумму денег.

Новым губернатором Буэнос-Айреса стал М. Родригес. Это была компромиссная фигура. Он пришел к власти при поддержке Росаса и Анчорены, но не принадлежал к их клану, клану саладеристов. Более того, после того как он назначил министром, фактически главой правительства Ривадавию, их пути разошлись.

К этому времени в серии политических сочинений, которые в форме меморандумов Росас представил правительству Буэнос-Айреса, он изложил программу реформ, отвечавшую интересам крупных земельных собственников: передача всей полноты власти в сельских районах в руки эстансьеро, создание с этой целью под их командованием милиции; запрещение всякой независимой от эстансьеро хозяйственной деятельности мелких и средних земледельцев и торговцев¹³.

Правительство Ривадавии не только не прислушалось к этим советам, но и стало проводить прямо противоположную им политику. Был введен энфитеусис – долгосрочная аренда государственных земель с целью воспрепятствовать ее переходу в частные руки. Земля переставала быть объектом купли–продажи. Реформа отвечала интересам

¹² Luna F. Juan Manuel de Rosas. Buenos Aires, 2004, p. 36–37.

¹³ Saldias A. Historia de la Confederación Argentina, t. I–III. Buenos Aires, 1978, t. I, p. 347–356.

среднего класса и преследовала цель развития фермерских хозяйств, независимых от крупных землевладельцев.

Росас отказался от предложения Ривадавии войти во власть. Он не хотел сотрудничать с этим правительством и вернулся к частной жизни, уехал в эстансию. Тем не менее 1820 г. стал важным в формировании Росаса-политика. Он приобрел военную силу, политическую репутацию и вес, способность навязать своего кандидата в губернаторы. Его “Колорадос дель Монте” успешно поддерживали общественный порядок в городе. Росас получил звание полковника и был отмечен как реставратор порядка и законности.

Аргентино-бразильская война (1825–1828), вызванная спором из-за Восточного берега – Уругвая, способствовала временной национально-государственной консолидации. На созванном Национальном конгрессе Ривадавия был избран президентом Аргентины (1826–1827). Однако принятие унитарной конституции 1826 г. встретило сопротивление федералистов Буэнос-Айреса и провинций. Эстансьеро Буэнос-Айреса во главе с Росасом не принимали весь проект либеральной модернизации Ривадавии. Еще в 1824 г., касаясь созыва Национального конгресса, Х.Х. Анчорена писал Росасу: “Мне кажется, кузен, что мы будем иметь пару очень плохих лет”¹⁴.

Росас, Анчорены, Терреро, Доррего возглавили борьбу против правительства Ривадавии, за его отставку. Унитарная конституция не была принята провинциями, а мир с Бразилией, по которому признавалась независимость Уругвая, завершил падение президента-реформатора. После отставки Ривадавии Национальный конгресс был распущен, и Аргентина вновь оказалась без центральной власти.

В результате этих событий Росас стал главнокомандующим сельской милиции Буэнос-Айреса и признанным лидером эстансьеро, которые требовали его участия в правительственных делах. Новый губернатор провинции Доррего не доверял Росасу, не верил в его федерализм, приверженность к которому незадолго до этого объявил Росас. Известны слова Доррего, сказанные по поводу Росаса: “Пока я жив, этот мощный гаучо никогда не будет в правительстве”¹⁵.

Между тем положение в стране оставалось взрывоопасным. Возвратившаяся с войны армия под командованием генералов Х.М. Паса и Х. Лавалье свергла Доррего. Сам губернатор по приказу Лавалье был расстрелян. Росас, опираясь на верных ему гаучо, развернул партизанскую войну против Лавалье и при поддержке войск Лопеса разбил его, что открыло ему путь к власти. 6 декабря 1829 г. легислатура назначила его губернатором Буэнос-Айреса, наделив чрезвычайными полномочиями. Открылась новая страница аргентинской истории, неразрывно связанная с именем Росаса.

Избрание Росаса губернатором Буэнос-Айреса с чрезвычайными полномочиями стало признанием его заслуг в борьбе с унитариями. В глазах федералистов он был спасителем родины, мстителем за Доррего и единственным деятелем, способным решить сложные проблемы внутренней и внешней политики страны. 17 декабря 1829 г. легислатура провозгласила Росаса “Реставратором законов”.

По мнению депутатов, диктатура была необходима, чтобы покончить с социальным конфликтом, политической нестабильностью и экономическим расстройством. Общее мнение выразил П.Ф. Кавия, заявивший: “Господа депутаты, когда говорит сабя, закон молчит”¹⁶.

Сам Росас представлял себя вне классов как честного сельского жителя, призванного восстановить законность. С первых шагов на посту губернатора Росас показал себя убежденным консерватором. Специальным декретом он запретил продажу книг и картин, “противоречащих религии и хорошим обычаям”, и ввел правило получать правительственное разрешение на издание новых газет и журналов и закрыл те из них, которые, по его мнению, угрожали единству и порядку. Защищая церковь, он рассматривал ее как важный инструмент поддержания существующего строя и социальной иерархии.

¹⁴ *Ibarguren C.* Juan Manuel de Rosas. Buenos Aires, 1955, p. 107.

¹⁵ *Lynch J.* Op. cit., p. 36.

¹⁶ *El pensamiento conservador.* Buenos Aires, 2009, p. 103.

Вынужденный в целях борьбы с унитариями согласиться на созыв Комиссии представителей, он не позволил превратить ее в базу для созыва Национального конгресса и добился ее роспуска в 1832 г. В письмах Лопесу и другим губернаторам провинций Росас постоянно повторял, что не нужно спешить с созывом конгресса, так как необходимо прежде всего умиротворить страну¹⁷. Тем не менее под давлением провинций в 1831 г. был подписан Федеральный пакт, ставший отправной точкой последующего конституционного устройства страны.

Федеральный пакт положил начало существованию Аргентинской конфедерации: в стране не было национальной конституции и не существовало центральных органов власти, каждая из 14 провинций управлялась на основе местного законодательства. Вместе с тем провинции предоставили Росасу полномочия вести внешнеполитические дела, объявлять войну и заключать мир от имени Конфедерации. Таким образом, перед лицом других стран и народов Росас являлся официальным главой Аргентинской конфедерации.

С поражением армии унитариев генерала Паса закончилась гражданская война. К этому времени обострилось положение в Буэнос-Айресе, вызванное разногласиями в лагере федералистов, которые раскололись на так называемых схизматиков – противников режима личной власти и апостоликов – безоговорочно следовавших за “Реставратором законов”. Первые полагали, что с победой над унитариями пришло время для конституционной организации страны.

В конце 1832 г. истекал срок чрезвычайных полномочий Росаса, который, настаивая на их продлении, предупреждал депутатов о продолжавших существовать угрозах провинции. Однако большинство депутатов не вняли этим предупреждениям и избрали Росаса губернатором, но без предоставления чрезвычайных полномочий. Росас не согласился с этим и ушел в отставку.

Росас занялся подготовкой “экспедиции в пустыню” – похода против индейцев-арауканов. Экспедицию вызвала необходимость защиты ранее захваченных у индейцев земель, а также дальнейшего продвижения на юг в поисках новых пастбищ для скота. Начинание Росаса встретило повсеместную поддержку среди эстансьеро, как федералистов, так и унитариев. В течение года, с середины 1833 по середину 1834 г. были захвачены территории в 100 тыс. кв. км. Росас получил все, чего добивался этим походом: его престиж в Буэнос-Айресе и провинциях вырос, в награду он получил обширные земли на завоеванных землях, которые он обменял на другие – ближе к Буэнос-Айресу.

Между тем в отсутствие Росаса в Буэнос-Айресе развернулась борьба между схизматиками, возглавлявшими правительство, и апостоликами во главе с женой Росаса Энкарнасьон Эскурра. Ударной силой ристов стало созданное в 1833 г. Народное общество реставрации. Общество имело вооруженное крыло под названием “Масорка” (“Кукурузный початок”), что должно было символизировать единство членов (“как зерен в початке”). Это название толковали иногда и по-другому: “больше виселиц” (по-испански: “мас оркас”). Если в Народное общество реставрации входили представители высших слоев, то “Масорка” состояла из народных низов и создавалась для борьбы с оппозицией.

Попытка соглашения между враждующими фракциями не увенчалась успехом. Против соглашения была Энкарнасьон Эскурра. 11 октября 1833 г. на площади Виктория произошли организованные ею массовые волнения, известные как “революция реставраторов”. Не имея военной поддержки, правительство схизматиков ушло в отставку. “Масорка” развернула террор против противников Росаса, вынудив многих из них эмигрировать в Уругвай.

В этой ситуации легислатура решила избрать Росаса губернатором провинции, но без предоставления ему чрезвычайных полномочий. Росас отказался. Попытались найти других кандидатов, но безуспешно. Временно исполнять обязанности губернатора стал президент легислатуры М.В. Маса. В то время как Росас готовил возвращение во власть на своих условиях, события были ускорены конфликтом в северных провинциях и убийством генерала Ф. Кироги.

¹⁷ Correspondencia entre Rosas, Quiroga y Lopez. Buenos Aires, 1958, p. 47–48.

Смерть Кироги была умело использована Росасом для доказательства того, что в стране сохраняется нестабильность и нужна диктаторская власть. 7 марта 1835 г. легислатура единодушно избрала его губернатором с чрезвычайными полномочиями, вручив ему всю полноту власти “в течение всего времени, которое, по мнению избранного губернатора, будет необходимо”, без иных ограничений, кроме как “сохранение, защита и поддержка национального дела Федерации, которое провозгласил народ Республики”¹⁸. Таким образом, Росас получил право не только отменять гарантии личных прав и свобод граждан, но был наделен законодательными и судебными полномочиями.

Прежде чем вступить в должность, Росас потребовал проведения народного плебисцита, который проводился лишь в городе, поскольку в сельской местности, как писала “Газета Меркантиль”, “господствует то же самое чувство, которое вдохновляет всех портенъос” (жителей Буэнос-Айреса. – *В.К.*)¹⁹. Большинство голосов (9316 – за, 4 – против) решение легислатуры было утверждено. 13 апреля 1835 г. Росас вновь стал губернатором Буэнос-Айреса с диктаторской властью.

Он по-прежнему считал преждевременной конституционную организацию страны. По его мнению, принятие конституции не успокоит страну, а вызовет новый виток напряженности. Прежде всего необходимо добиться умиротворения страны, а затем начать ее организацию снизу, с провинций. Принятие конституций в провинциях заложит основу для будущей национальной организации. В противном случае федеративная республика будет химерическим образованием, поскольку не центральное правительство объединяет народ в федерацию, а находит его уже единым. Росас признавал, что предлагаемый им путь объединения будет долгим, но единственно возможным в имеющихся условиях²⁰.

К официально осуществляемым функциям главы государства во внешнеполитических делах Росас вскоре прибавил право интервенции в провинции. Формально на их проведение требовалось согласие членов конфедерации. Но фактически губернатор Буэнос-Айреса решал этот вопрос, исходя из лояльности того или иного губернатора лично к нему. Обычно это происходило в момент вступления в должность нового губернатора или переизбрания старого на новый срок. Как правило, они уведомляли об этом своих коллег официальным циркуляром, ожидая в ответ поздравления. Если Росас поздравлял, его примеру следовали все губернаторы. Если он хранил молчание, никто не осмеливался его нарушить, и новая власть оставалась непризнанной. В зависимости от обстоятельств Росас использовал разные методы интервенции: от мирного увещевания губернатора “провинившейся провинции” до вооруженного вмешательства, если обстоятельства этого требовали.

Прерогативы правительства Буэнос-Айреса увеличились с передачей ему провинциями права судить обвиненных в политических преступлениях против нации. К этому прибавились право решать пограничные споры между провинциями, осуществление патроната, контроль над судоходством по рекам Парана и Уругвай, предоставление разрешения на въезд в страну и командование федеральными армиями всей страны. И как форма легализации нового положения Росаса некоторые губернаторы стали величать его “Верховным главой государства” или “Сиятельным главой республики”.

Реставрация порядка требовала единодушия и подавления оппозиции. По указанию Росаса для всех должностных лиц было введено обязательное ношение красной ленты (красный цвет означал принадлежность к федерации). Восстановление контроля над прессой сопровождалось введением обязательного правила озаглавливать все официальные документы и частную переписку девизом: “Да здравствует святая федерация!”, к которому впоследствии добавилось “Смерть дикарям-унитариям!” Эти

¹⁸ *Celesia E.H. Rosas. Aportes para su historia*, t. I–II. Buenos Aires, 1968–1969, t. II, p. 172.

¹⁹ *El pensamiento de los federales*. Buenos Aires, 2009, p. 163.

²⁰ *Archivo Americano y espíritu de la prensa del mundo. Primera reimpresión del texto español conforme a la edición original 1843–1851*, t. I–II. Buenos Aires, 1946, t. II, p. 233–237.

распоряжения были очень скоро узаконены и в других провинциях, что должно было продемонстрировать единство взглядов по всей стране. Этой же цели служил и так называемый федеральный календарь. Так, в документах 1836 г. должно быть указано помимо дня, месяца и года также: Год 26 Свободы, 20 независимости и 6 Аргентинской конфедерации.

Красный цвет был во всем. Дело дошло до того, что на театральных представлениях артисты перед началом спектакля выходили на сцену провозгласить свою приверженность делу федерации и осудить унитариев. Забавно было видеть, по свидетельству современников, Карла V или Гамлета с прикрепленным к груди красным девизом. Сармьенто писал по этому поводу, что Росас делал с людьми то же самое, что и со своими животными в эстансиях: он их метил.

В своем видении реальности Росас продолжал быть консерватором. Он питал отвращение к унитариям-либералам, называя их “интеллектуальными франтами” за приверженность к импортированным из Европы идеям, неприменимым на аргентинской почве, которые погрязли в неверии.

Впоследствии он говорил, что для него идеалом был самодержавный правитель: умный, неутомимый и бескорыстный. Став губернатором, он отказался от зарплаты, у него не было счетов за границы. И даже его противники признавали, что он никогда не брал ни песо из казны на личные нужды.

Центром власти был сам Росас, который старался вникать во все дела. Обычно его рабочий день начинался в 3 часа пополудни и продолжался до 8–9 часов следующего утра, когда он ложился спать. У него не было определенного часа окончания работы. Как отмечал один из его секретарей, его служащие должны были иметь крепкое здоровье, чтобы выдержать такой распорядок.

Он не доверял министрам, посвящая их лишь в ту часть дела, которая непосредственно их касалась, и говорил, что его министры не более чем его клерки. Не проводил общих заседаний правительства и посылал министрам инструкции и распоряжения через секретарей. Росас полагал, что секретом успешного правления является внимание к деталям и людям, без чего правитель рискует потерять связь с реальностью.

После смерти жены его ближайшей помощницей стала дочь Мануэлиты. В правительстве она была губернаторшей или, как называл ее один английский дипломат, “Главной жрицей его королевства”.

Росас получил в наследство огромный бюджетный дефицит, обесцененную валюту и большой государственный долг. Он отказался от возврата к золотому стандарту и следовал консервативной финансовой политике: сокращение расходов, улучшение сбора налогов. В основе его финансовой системы была инфляция, которая являлась прекрасным способом перераспределения доходов от бедных к богатым. Обесценение бумажного песо позволяло избежать долгосрочных займов и высокого налогообложения, что противоречило бы интересам эстансьеро. Напротив, проводившаяся Росасом политика позволяла крупным землевладельцам расширять свои владения: происходил массовый переход государственной земли в частную собственность. В то же время конфискация собственности у врагов режима, практиковавшаяся Росасом, помогала содержать армию и награждать сторонников. Вся его политика была направлена на сохранение привилегированного положения Буэнос-Айреса: монопольного обладания портом — главного источника доходов для всей страны, но которыми распоряжалась одна провинция.

В целях расширения социальной базы режима 18 декабря 1835 г. был принят закон о таможене. В соответствии с ним увеличивались таможенные пошлины на все импортные товары и запрещался ввоз муки и пшеницы, производимых в стране²¹. По словам самого Росаса, закон преследовал цель помочь “среднему классу, который из-за

²¹ Registro oficial de la República Argentina, t. I–VI. Buenos Aires, 1879–1884, t. II, p. 359–361.

недостатка капитала не мог участвовать в занятии скотоводством”²². Последовавшая вскоре французская блокада и война не позволили вернуться к закону 1835 г.

Международное положение Аргентины после завоевания независимости оставалось достаточно сложным. Англия, несмотря на договор о дружбе и торговле 1825 г., захватила в 1833 г. Мальвинские острова. Франция потребовала заключения договора, который предоставил бы ей такие же привилегии, как и Великобритании. Не менее сложным было положение и в районе Рио-де-Ла-Платы, прежде всего в Уругвае, где в 1836 г. разразилась гражданская война между партиями “Бланко” во главе с М. Орибе и “Колорадо” – с Ф. Риверой. Орибе опирался на поддержку Росаса, а Ривера – на аргентинских эмигрантов-унитариев и французов, стремившихся использовать Монтевидео как опорный пункт для укрепления своего влияния на Ла-Плате. В конце концов победу одержал Ривера. Орибе был вынужден оставить пост президента и эмигрировать в Буэнос-Айрес.

К этому времени обострились франко-аргентинские отношения в связи с так называемым делом Бакле – французского гражданина, жившего в Буэнос-Айресе и обвиненного Росасом в шпионаже. В ответ на арест Бакле Франция потребовала его освобождения и возмещения убытков, отмены для французов, живущих в Буэнос-Айресе, обязанности проходить военную службу и предоставления им равных прав с англичанами”²³.

Росас отклонил французский ультиматум. 28 марта 1838 г. Франция объявила блокаду Буэнос-Айреса и аргентинского побережья. Французы не хотели упустить благоприятную возможность подчинить Росаса или его свергнуть и установить свое влияние одновременно в Буэнос-Айресе и Монтевидео.

В свою очередь Росас попытался устранить сам повод для конфликта: его распоряжением все французы, призванные на военную службу, были демобилизованы. Что же касается других французских требований, то они, по мнению правительства Буэнос-Айреса, должны были стать предметом дипломатических переговоров. В случае невозможности достичь соглашения Росас выразил готовность сражаться с французами и, как он писал своему министру иностранных дел Ф. Аране, “защищать наш суверенитет и честь, погибнув тысячу раз, прежде чем стать рабами”²⁴.

Франция рассчитывала на помощь всех противников Росаса. Ривера и аргентинские унитарии предложили французам союз для свержения Росаса. Французы пошли на него в надежде заставить Буэнос-Айрес принять их требования. 11 октября 1838 г. французские войска совместно с Риверой заняли остров Мартин-Гарсия, контролирующий устье рек Уругвай и Парагвай.

Аргентинская конфедерация оказалась в критическом положении, поставившим ее на грань выживания. Блокада резко ухудшила экономическое положение страны и в особенности провинции Буэнос-Айрес, нанесла существенный ущерб интересам различных слоев населения. Торговцы, эстансьеро, владельцы саладерос несли крупные убытки. Тяжелое экономическое положение вызвало недовольство в Буэнос-Айресе. Это дало прекрасную возможность оппозиции начать вооруженную борьбу против Росаса в его родной провинции.

Унитарии установили связь с полковником Р. Масой, пользовавшимся авторитетом в армии, и с группой эстансьеро южной части провинции Буэнос-Айрес. Заговорщики поддерживали постоянный контакт с военным руководителем унитариев генералом Лавалье. Выработанный ими план состоял в следующем: в то время как Лавалье высадится на севере провинции для отвлечения внимания Росаса, на юге начнется восстание под руководством П. Кастельи. В самом Буэнос-Айресе во главе заговора стоял М.В. Маса, отец полковника Масы и президент легислатуры. Он поддерживал тесные

²² Mensajes de los gobernadores de la provincia de Buenos Aires, t. I–II. Buenos Aires, 1976, t. I, p. 95.

²³ Puentes G.A. La intervención francesa en el Rio de la Plata. Buenos Aires, 1958, p. 58–64.

²⁴ O'Donnel P. Juan Manuel de Rosa. Buenos Aires, 2008, p. 222.

связи с созданной в Монтевидео политическими противниками Росаса Аргентинской комиссией.

Все заговорщики занимали видное положение в администрации Росаса и были близки к его семье. Достаточно сказать, что среди заговорщиков находился личный секретарь Росаса Э. Лафуэнте. Полковник Маса был мужем лучшей подруги Мануэлиты. В свою очередь Росас имел широкую сеть осведомителей. Узнав о заговоре Масы, он предпринял энергичные действия. 27 июня 1839 г. Маса был убит в своем кабинете в легислатуре. Его сын отказался выдать заговорщиков. Несмотря на мольбы дочери о его помиловании, Росас остался непреклонным: на следующий день полковник Маса был расстрелян. Позднее Росас говорил, что “в доме было много слез, но если бы это повторилось двадцать раз, я поступил так же”.

Несмотря на ликвидацию заговора Масы, заговорщики на юге решили действовать. В октябре 1839 г. началось восстание эстансьеро. Повстанцы высказались за союз с французами и просили их снять блокаду портов, находившихся в зоне восстания. Восстание приняло широкий размах, но его руководители не проявили должной решительности и не обеспечили согласованности действий и были разбиты войсками под командованием П. Росаса, брата диктатора. Захваченные в плен руководители восстания, кроме младшего брата Росаса Х. Росаса, были обезглавлены, а их головы выставлены на площади. Уступая мольбам матери, Росас помиловал младшего брата. Но с тех пор последний никогда больше не занимался политикой.

В то время как на юге провинции Буэнос-Айрес противники Росаса были разбиты, на севере наметился их успех. 5 сентября 1839 г. Лавалье высадился в провинции Энтре-Риос, но в конце концов был разбит губернатором П. Эчагуэ и вернулся под защиту французской эскадры. Здесь он получил известие, что генерал Г.А. Ламадрид, посланный Росасом на север, восстал против диктатора. Одновременно пришло сообщение, как оказалось, ложное, что французское правительство готовит дополнительные войска для отправки на Ла-Плату.

В такой обстановке 5 августа 1840 г. Лавалье высадился в провинции Буэнос-Айрес. Наступление армии унитариев в направлении Буэнос-Айреса создавало реальную угрозу для Росаса. Он не ожидал удара отсюда. Его главные силы находились в Энтре-Риос. Однако Росас не растерялся. Чтобы задержать наступление Лавалье, он приказал организовать военный лагерь в Сантос-Лугарес вблизи Буэнос-Айреса.

Лавалье не нашел поддержки у населения, которое осталось верно Росасу. У вождей унитариев не было пехоты, а с одной кавалерией он не мог атаковать лагерь в Сантос-Лугарес. По этой же причине он не мог штурмовать Буэнос-Айрес, где его кавалеристы стали бы прекрасной мишенью для стрелков. В это время Аргентинская комиссия сообщила Лавалье об ожидавшемся прибытии на Ла-Плату дополнительных французских экспедиционных сил. Лавалье решил их ждать и терял драгоценное время. Узнав, что никаких французских войск не будет, он отступил на север на соединение с Ламадридом.

К этому времени международная обстановка изменилась в пользу Росаса. Французская блокада, наносившая значительный урон английской торговле в Аргентине и Уругвае, вызвала серьезное недовольство Англии, под нажимом которой французское правительство вступило в переговоры с Аргентиной о прекращении блокады. Переговоры завершились подписанием 23 октября 1840 г. конвенции Макау–Арана (по имени глав делегации). По условиям договора Франция прекращала блокаду, освобождала остров Мартин-Гарсия и возвращала захваченные корабли и оружие. Со своей стороны Аргентинская конфедерация обязывалась возместить убытки, причиненные французским гражданам. Конвенция предоставляла определенные привилегии французским гражданам в Аргентине и аргентинцам во Франции²⁵.

Договор Макау–Арана укрепил позиции Росаса. Он предстал перед страной и всем миром как твердый защитник национального суверенитета. В то же время подписание

²⁵ Registro oficial de la República Argentina, t. II, p. 414–415.

договора развязало Росасу руки для борьбы со своими противниками внутри страны. В октябре 1840 г. “Масорка” начала террор против оппозиции. В самом Буэнос-Айресе многие противники режима были убиты, похищены или заключены в тюрьму, их собственность конфискована. Сам Росас объяснял террор государственной необходимостью. Американцу Мак Канну он сказал, что 20 капель крови, пролитой вовремя, позволит избежать 20 тыс. Заключение мира с Францией дало возможность Росасу сосредоточить все силы на борьбе с Лавалье и разгромить его вместе с Ламадридом. Сам Лавалье погиб, Ламадрид укрылся в Чили.

Вслед за военным разгромом противников на севере Росас нанес удар по экономическим интересам прибрежных провинций. 22 января 1841 г. правительство Буэнос-Айреса запретило свободное судоходство по рекам Парана и Уругвай. Это решение Буэнос-Айреса вызвало новый подъем антиросистского движения, центром которого стали провинции Санта-Фе и Корриентес. 5 ноября 1841 г. между ними было заключено соглашение “Об оборонительном и наступательном союзе против кровавого тирана”, согласно которому они лишили Росаса полномочий вести внешние дела²⁶.

Разногласия внутри альянса обусловили его быстрое поражение. В ноябре 1842 г. Орибе подавил восстание в Санта-Фе и Корриентесе, а в декабре разбил армию Риверы и двинулся к Монтевидео – последнему центру сопротивления Росасу. 6 февраля 1843 г. Орибе начал осаду Монтевидео, продолжавшуюся девять лет. В обороне города участвовали иностранные жители, организовавшие аргентинский, итальянский и французский батальоны.

1 апреля 1843 г. Росас объявил блокаду Монтевидео. Притязания Росаса на Уругвай встретили сопротивление со стороны Англии и Франции, которые всегда рассматривали Восточный берег как буферное государство между Аргентиной и Бразилией. Поэтому англо-французские военно-морские силы, находившиеся на Ла-Плате, оказали помощь защитникам Монтевидео. Практически они приняли сторону Риверы и тем самым спасли Монтевидео в самые первые, критические месяцы осады, позволив защитникам города получить необходимое вооружение и резервы.

13 февраля 1845 г. правительство Росаса объявило о полной блокаде Монтевидео с 1 марта. В ответ на это командующие английской и французской эскадр заявили о своем праве разрешить или запретить применение этой меры. 8 июня 1845 г. английский и французский уполномоченные В.Т. Осли и Б. Дефюди, находившиеся в Буэнос-Айресе для переговоров с Росасом, обнародовали декларацию, в которой говорилось, что их правительства никогда не признают законным избрание Орибе президентом, пока аргентинские войска продолжают оставаться на уругвайской территории. 21 июля Осли и Дефюди вручили ультиматум Росасу. Ему давалось десять дней на эвакуацию войск с Восточного берега. Одновременно Орибе поставили в известность, что в случае продолжения осады Монтевидео будут блокированы находившиеся под его контролем уругвайские порты.

Росас отверг ультиматум, а Орибе проигнорировал англо-французские угрозы. 30 июля Осли и Дефюди получили паспорта и покинули Буэнос-Айрес. 2 августа англо-французская эскадра захватила аргентинские корабли и установила полную блокаду уругвайских портов. Англичане и французы намеревались оставаться в Уругвае вплоть до окончательного вывода аргентинских войск с целью обеспечения его независимости. 18 сентября 1845 г. правительству Буэнос-Айреса была вручена коллективная англо-французская нота с требованием прекращения войны на Восточном берегу, в противном случае Буэнос-Айресу грозила блокада. Росас остался непреклонным, и 22 сентября Англия и Франция объявили блокаду Буэнос-Айреса, заняли остров Мартин-Гарсия, а в ноябре предприняли военную экспедицию на Парану для открытия судоходства и установления связей с Корриентесом и Парагваем. Одиннадцать военных кораблей под командованием английского капитана Ч. Хэтхэма дошли до Вуэльта-де-Облигадо, где их встретили аргентинские войска. В этом месте река была

²⁶ Ibid., t. II, p. 421.

перегорожены 24 судами, соединенными железными цепями, а по берегам располагались батареи. 18 ноября 1845 г. произошла битва при Вуэльта-де-Облигадо. Понеся значительные потери, союзная эскадра подавила сопротивление аргентинских войск и дошла до Корриентеса и Парагвая, открыв путь для торговли с Монтевидео. Тем не менее интервенция не достигла намеченных целей. Прежде всего интервенты не нашли поддержки среди местного населения. Народ был против них. Он поддерживал Росаса. Общественное мнение Южной Америки было также на его стороне. Генерал Сан-Мартин предложил Росасу свои услуги для защиты свободы и независимости родины и завещал ему свою саблю, с которой он совершил освободительные походы в Чили и Перу.

Между тем блокада показала свою неэффективность. В не меньшей степени, чем Буэнос-Айрес, от нее страдала торговля самих союзников. Справедливыми оказались слова Росаса в отношении интервентов: «Они могут досадить нам, но не могут лишить нас ни наших ресурсов, ни нашей силы»²⁷. В этих условиях Англия и Франция начали переговоры с Росасом об урегулировании конфликта. Длительные переговоры завершились подписанием 24 ноября 1849 г. мирного договора с Англией на весьма выгодных для Аргентины условиях. По условиям договора Англия обязалась полностью освободить остров Мартин-Гарсия, вернуть захваченные аргентинские военные корабли и отдать салют аргентинскому флагу 21 артиллерийским залпом; судоходство по реке Парана определялось аргентинским законодательством; навигация по реке Уругвай объявлялась внутренним делом Аргентины и Уругвая. Со своей стороны Росас обязался вывести из Уругвая войска, если французское правительство разоружит иностранный легион и выведет свои войска с аргентинской стороны. 31 августа 1850 г. было достигнуто аналогичное соглашение с Францией²⁸.

В конце 40-х годов XIX в. режим Росаса был в зените силы и славы. Перед всем миром Аргентинская конфедерация предстала единой и сильной, способной успешно противостоять самым могущественным державам. Казалось, что мятежные прибрежные провинции убедились, что гегемония Буэнос-Айреса является разумной платой за мир и порядок. Началось возвращение политических эмигрантов, которым Росас стал возвращать их собственность. В 1846 г. была распущена «Масорка».

Сам Росас считал, что его режим достиг оптимального баланса между консерватизмом и умеренностью, о чем и заявил в послании легислатуре²⁹. Такого же мнения придерживались и иностранные наблюдатели. Так, английский посол Р. Гор полагал, что отныне Росас будет следовать политике развития страны и соблюдения закона.

В такой обстановке Росас объявил о своем намерении уйти в отставку, поскольку его главная цель — обеспечение мира и порядка — достигнута. Желание вернуться к частной жизни мотивировалось усталостью, а также необходимостью дать возможность другим проявить себя на службе родине. Трудно сказать, насколько искренними были слова Росаса, однако его последующие действия показали, что доля истины в них была.

Тем временем сторонники Росаса развернули кампанию за его оставление у власти. Легислатура, подтвердив его неограниченные полномочия, провозгласила: «Мир знает, что генерал Росас и Аргентинская конфедерация в настоящее время являются неразрывным целым. Убрав одно, вы потеряете другое»³⁰.

Казалось, что вся эта кампания лишь укрепила власть Росаса. Вместе с тем урегулирование конфликта с великими державами не принесло стране спокойствия. Продолжалась война на Восточном берегу, где сталкивались интересы Аргентинской конфедерации и Бразильской империи. В октябре 1850 г. Бразилия разорвала отношения с

²⁷ Irazusta J. Vida política de Juan Manuel Rosas. A Araves de su correspondencia, t. 1–8. Buenos Aires, 1975, t. 5, p. 78.

²⁸ Registro oficial de la República Argentina, t. II, p. 466–470.

²⁹ Mensajes de los gobernadores de la provincia de Buenos Aires, t. II, p. 269–270.

³⁰ Цит. по: Lynch J. Op. cit., p. 301.

Росасом и 25 декабря заключила союз с Парагваем, независимость которого Росас не признавал. Главной целью союза была защита независимости Уругвая. В Рио-де-Жанейро прекрасно понимали, что успешно бороться с Росасом можно, лишь опираясь на прибрежные провинции, крайне заинтересованные в ликвидации торговой монополии Буэнос-Айреса и в открытии свободного речного судоходства.

К этому времени Х.Х. Уркиса стал фактическим лидером Литоралья, возглавляя Энтре-Риос – наиболее богатую и развитую провинцию после Буэнос-Айреса. Отношение Росаса к Уркисе было двойственным. Стремясь экономически ослабить Энтре-Риос, он запретил продажу провинции пороха и звонкой монеты. В то же время Росас постоянно усиливал вооружением и подкреплениями армию Уркисы, рассматривая ее как главную ударную силу в предстоящей войне с Бразилией. Надежды Росаса на Уркису не оправдались. 1 мая 1851 г. правительство Энтре-Риос объявило “о своем решении вновь принять полномочия, переданные генералу Росасу для руководства общими делами мира и войны впредь до созыва Национального конгресса, который окончательно учредит республику”³¹. Таким образом Росас потерял свою лучшую армию, а Уркиса из главной военной опоры режима превратился в его главного врага.

В борьбе против Росаса объединились Энтре-Риос, Корриентес, Парагвай и Бразилия. 8 июля 1851 г. они подписали союзный договор, направленный против Росаса. В июле 1851 г. армия Уркисы вошла в Уругвай, а в сентябре там же появились бразильские войска, которые, однако, не участвовали в боевых действиях. Бразилия помогала оружием, людьми и держала резервную армию на берегу Уругвая. Уркиса пришел в Уругвай не только с военной силой, но и с программой политического примирения, – “здесь нет ни победителей, ни побежденных”, – которая привлекла к нему военных – уругвайцев и самого Орибе, капитулировавшего 8 октября 1851 г. на условиях политической амнистии и независимости Уругвая.

Следующим этапом кампании стало наступление союзников на Буэнос-Айрес. С помощью бразильского флота Уркиса по реке Парана достиг Санта-Фе, которая присоединилась к нему, открыв тем самым дорогу на Буэнос-Айрес. В самом Буэнос-Айресе население устало от войны и, по мнению английских дипломатов, предпочитало, чтобы Уркисе было спокойно разрешено свергнуть Росаса³². В сельской местности провинции поддержка Росаса была больше, но практически все мужское население уже было призвано в армию, и ему с трудом удалось набрать новобранцев.

3 февраля 1852 г. в Монте-Касерос вблизи Буэнос-Айреса произошло решающее сражение. Армия Уркисы насчитывала 24 тыс. чел. (3,5 тыс. бразильцев, 1,5 тыс. уругвайцев, остальные – аргентинцы) с 50 оружиями. Армия Росаса имела 25 тыс. чел. и 56 орудий. Однако новобранцы Росаса не шли ни в какое сравнение с закаленными ветеранами Уркисы и были им легко окружены и рассеяны. Потерпев полное поражение, Росас заявил о своей отставке и эмигрировал в Англию, где и умер в 1877 г.

На родине Росаса заочно приговорили к смертной казни и конфискации всего имущества. Процесс носил сугубо политический характер и преследовал цель предоставить Росаса в глазах последующих поколений кровавым диктатором. В противном случае, как заметил один из депутатов, “он был бы наиболее великим и славным из аргентинцев”³³. После смерти Росаса его родственники в Буэнос-Айресе хотели заказать мессу в его память, но власти запретили.

Мнение простых людей выразил один сельский труженик. На вопрос, почему он так любит Росаса, тот ответил, что до того, как Росас стал правителем, “в деревне нельзя было жить, взяв власть, он покончил с анархией”³⁴.

³¹ Registro oficial de la República Argentina, t. II, p. 471.

³² Lynch J. Op. cit., p. 325.

³³ O'Donnel P. Op. cit., p. 18.

³⁴ Rosas J.M. de Instrucciones a los Mayordomos de Estancias. Buenos Aires, 1968, p. 28.